Урал в вихре Гражданской войны

Вебер Михаил Игоревич
Кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора политической и социокультурной истории Института истории и археологии УрО РАН
620990, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16
mikeveber@mail.ru

Где было принято решение о расстреле царской семьи – в Москве или в Екатеринбурге?

Аннотация. Проанализирован вопрос о том, кто принял решение о расстреле царской семьи – центральная власть или руководство Уральского областного Совета депутатов. Сделан вывод о том, что имеющиеся документы не позволяют дать однозначного ответа на этот вопрос. Вместе с тем, косвенные данные свидетельствуют в пользу версии о том, что решение о расстреле Николая II и членов его семьи было принято в Москве, а не в Екатеринбурге.

Ключевые слова: Урал; Гражданская война; Романовы.

Казнь царской семьи в Екатеринбурге летом 1918 г. на протяжении вот уже без малого сотни лет притягивает к себе пристальное внимание исследователей из России и других стран. Одним из наиболее дискуссионных вопросов в этом запутанном деле по-прежнему остается вопрос о том, кто принял решение о расстреле узников Ипатьевского дома – центральная власть или же это была инициатива лидеров уральских большевиков. Дискуссионность обусловлена утерей значительной части документов, которые помогли бы установить истину.

В частности, во время Гражданской войны были утеряны протоколы заседаний президиума исполкома, равно как и всего исполкома Уральского областного Совета депутатов. Между тем, эти документы могли бы прояснить кто из членов исполкома присутствовал на заседании, принявшем постановление о расстреле бывшего царя, кто голосовал за, а кто – против, какие вопросы обсуждались в этой связи, было ли отдельное голосование о расстреле, помимо Николая II, также и членов его семьи, наконец, обсуждалась ли на этом заседании позиция Москвы. Не сохранились также подлинники постановлений президиума исполкома Уралоблосовета, в т. ч. постановления о казни бывшего царя.

Утеряна либо недоступна для исследователей и большая часть документов руководящих органов ВЧК и УралоблЧК за этот период. В воспоминаниях же участников и организаторов расправы над царской семьей имеются свидетельства как в пользу версии о том, что решение о расстреле царской

семьи приняли в Екатеринбурге, так и в пользу версии о том, что решение приняла Москва.

Все это затрудняет поиски истины. Тем не менее, ряд косвенных данных, на мой взгляд, свидетельствуют в пользу версии о том, что решение о казни царской семьи было принято в Москве:

1) Прежде всего, необходимо акцентировать внимание на том обстоятельстве, что письменного распоряжения Москвы уральским большевикам о расстреле Николая II может и не быть. Большевикам – вчерашним подпольщикам, ставшим новой властью – был чужд формалистский подход российского чиновника, который без бумаги с печатью и палец о палец не ударит. Куда большее значение для большевиков имели неформальные связи и доверие, полученное в ходе совместной подпольной революционной работы. Поэтому решение о расстреле Николая II мог передать в устной форме специальный посланец ЦК, которого хорошо знали и которому доверяли партийный и советские руководители Урала. Также это решение мог привезти из поездки в Москву непосредственно Ф.И. Голощекин, друживший с Я.М. Свердловым.

2) Иногда непричастность центрального советского правительства к принятию решения о внесудебном расстреле царской семьи аргументируют тем, что оно собиралось организовать суд над Николаем II. По моему мнению, этот аргумент не выдерживает критики. Действительно, на заседании 20 февраля 1918 г. Совет народных комиссаров, как известно, поручил Народному комиссариату юстиции подготовить следственный материал по делу Николая II. Однако, нет никаких свидетельств, что в Москве или Екатеринбурге велась какая-либо фактическая подготовка к проведению этого судебного процесса. Если бы к судебному процессу над бывшим царем действительно готовились, то перед началом суда должно было бы состояться следствие: проведены допросы обвиняемых (Николая II и его жены) и свидетелей, осуществлены иные следственные действия, но ничего этого не было. Не был даже назначен сам следователь или какая-либо следственная комиссия по этому делу. Можно констатировать, что желание провести судебный процесс над Николаем II так и осталось красивой декларацией о намерениях, не подкрепленной никакими конкретными действиями.

3) Следует понимать, что если судебный процесс над Николаем II все же состоялся, то это был бы не суд, а судилище. Приговор такого суда был бы предрешен до начала судебного процесса, и вынесли бы его не судьи, а руководство партии большевиков. О характере возможного суда над Николаем II свидетельствуют громкие политические процессы первых лет советской власти – 1920 г. над колчаковскими министрами и 1922 г. над лидерами партии правых эсеров. Так, в мае 1920 г. состоялся открытый политический процесс над бывшими членами колчаковского правительства. Кого из подсудимых приговорить к расстрелу, определили не судьи, на основании честного и беспристрастного разбора дела, а Сибирское бюро ЦК РКП (б), руководствовавшееся, прежде всего, политическими мотивами [3, с. 41]. Сам судебный процесс по задумке лидеров компартии стал частью большой агитационно-пропагандистской кампании по дискредитации колчаковского правительства.

4) Можно предположить, почему суд над бывшим императором и членами его семьи, даже в форме заранее спланированного политического процесса с предрешенным результатом, так и не состоялся. Дело в том, что никакой публичный судебный процесс не приговорил бы к смертной казни несовершеннолетних детей Николая II. Бессудная казнь же давала возможность большевикам без лишнего шума расправиться со всей царской семьей, избежав к тому же ненужных дипломатических осложнений с Германией и другими европейскими монархиями.

5) Как известно, вследствие распространившихся в западной и московской прессе слухов о расстреле бывшего царя, 21 июня 1918 г., за месяц до реального расстрела, Ипатьевский дом был осмотрен командующим Северо-Урало-Сибирским фронтом Р.И. Берзиным. О результатах осмотра, согласно показаниям чиновников почтово-телеграфной конторы Екатеринбурга, Берзин доложил по прямому проводу В.И. Ленину, который приказал ему «взять под свою охрану всю Царскую семью и не допустить каких бы то ни было насилий на ней, отвечая в данном случае своей (т. е. Берзина) собственной жизнью» [1, с. 240]. Распоряжение Ленина не было лишь пустыми словами. В этот период большевистское правительство выстраивало в стране жесткую иерархию органов власти и недрогнувшей рукой наказывало за невыполнение приказов. Например, 14 января 1919 г. за неподчинение приказам командующего 9-й армией П.Е. Княгницкого и открытый конфликт с Реввоенсоветом 9-й армии с одобрения Л.Д. Троцкого был расстрелян командир 15-й стрелковой дивизии – большевик с дореволюционным партийным стажем Ю.С. Гузарский, несмотря на то, что ранее имел серьезные заслуги перед советской властью (в июле 1918 г. Гузарский руководил подавлением знаменитого Ярославского восстания). Однако, никто из ответственных партийных и советских работников в Екатеринбурге, причастных к казни бывшего царя и членов его семьи, не понес никакого наказания за самоуправство. Более того, председатель исполкома Уралоблсовета А.Г. Белобородов в марте 1919 г. даже был избран членом ЦК РКП (б). На мой взгляд, тот факт, что центральной властью за якобы самовольную казнь Николая II не был наказан никто из ее организаторов и исполнителей в Екатеринбурге, косвенным образом свидетельствует о том, что решение о расстреле царской семьи было предварительно согласовано уральскими партийными и советскими лидерами с Москвой.

6) 16 июля председатель исполкома Петроградского Совета депутатов Г.Е. Зиновьев телеграфировал Я.М. Свердлову и В.И. Ленину, что в ходе разговора по прямому проводу с Екатеринбургом Ф.И. Голощекин и Г.И. Сафаров попросили его сообщить в Москву, что по обстоятельствам военного времени они не могут ждать суда над Николаем II. Очевидно, что это было сообщение о намерении расстрелять Николая II. В конце сообщения содержалась просьба немедленно телеграфировать в Екатеринбург в том случае, если центральная власть не согласна с этим решением. Казалось бы, если казнь бывшего царя, как это утверждают сторонники версии о самоуправстве Уралоблсовета, не была ранее согласована с Москвой, то Ленин и Свердлов должны были бы немедленно вызвать к телеграфному аппарату Белобородова, Голощекина или Сафарова. Однако, до настоящего времени не опубликовано ни одного

документа, свидетельствующего, что Москва попыталась оперативно отреагировать на присланное известие, связаться с Уральским областным Советом депутатов и предотвратить казнь или хотя бы получить дополнительные сведения о том, что происходило в эти часы в Екатеринбурге. (В случае временного нарушения прямой телеграфной связи Москвы с Екатеринбургом связаться с уральцами можно было хотя бы через того же Зиновьева). Такое поведение представителей центральной власти, как мне кажется, косвенно свидетельствует о том, что присланное известие не стало для них сюрпризом – расстрел царя был ими согласован и ожидаем.

7) Как следует относиться к телеграмме президиума исполкома Уральского областного Совета депутатов, отправленной 17 июля 1918 г. В.И. Ленину и Я.М. Свердлову, в которой президиум взял на себя ответственность за расстрел Николая II, мотивируя свое решение приближением к Екатеринбургу белых и наличием в городе белогвардейского заговора? Не является ли она веским подтверждением того, что решение о расстреле царской семьи приняли в Екатеринбурге? На мой взгляд, нет. Вполне вероятно, что эта телеграмма была частью операции по сокрытию подлинных виновников произошедшего. Проиллюстрирую мое предположение следующим примером. В настоящее время российскими историками достоверно установлено, что решение о расстреле лидера Белого движения адмирала А.В. Колчака в феврале 1920 г. Иркутский военревком принял не самостоятельно, а получив приказ от члена Реввоенсовета 5-й армии И.Н. Смирнова, который, в свою очередь, выполнял директиву В.И. Ленина, переданную через Реввоенсовет республики [4, с. 80]. Это обстоятельство, однако, не помешало И.Н. Смирнову послать 2 марта 1920 г. официальный запрос в Иркутск о том, кто распорядился расстрелять Колчака, а затем телеграфировать в Москву о том, что ответственность за расстрел адмирала якобы полностью лежит на Иркутском военревкоме, который никого не известил о своем решении [4, с. 82-83]. Разумеется, мартовский обмен официальными телеграммами был всего лишь операцией прикрытия: эти телеграммы были нужны коммунистам только для того, чтобы убедить прессу и дипломатов западных стран в том, что внесудебная казнь А.В. Колчака – дело рук иркутских повстанцев, а не советского правительства в Москве. (Отдельно стоит упомянуть, что решение о внесудебном расстреле бывшего Верховного Правителя России было мотивировано иркутскими большевиками теми же причинами, что и решение екатеринбургских большевиков о внесудебном расстреле бывшего царя – приближением к Иркутску белых и наличием в городе белогвардейского заговора). По моему мнению, вполне уместно провести прямые аналогии между расстрелом Колчака и расстрелом Николая II и членов его семьи.

8) Необходимо отметить, что официальным советским заявлениям по вопросу о казни Николая II и членов его семьи нельзя доверять, т. к. они, зачастую, были лживы и являлись частью кампании по дезинформации общественного мнения и правительств европейских стран. Например, уже после расстрела Романовых в Екатеринбурге советское правительство, обладавшее к этому моменту достоверной информацией о казни в доме Ипатьева всех членов царской семьи, тем не менее, дезинформировало немецких дипломатов о том, что дочери Николая II живы, и вплоть до середи-

ны сентября 1918 г. вело переговоры о их передаче Германии, предлагая, в частности, обменять их на Карла Либкнехта [2, с. 156]. Аналогичным образом советское правительство дезинформировало Испанию, после известий о расстреле Николая II заявившую о готовности предоставить политическое убежище членам царской семьи. Испанский дипломат Ф.Г. Контрерас в начале сентября 1918 г. провел переговоры о передаче Испании Александры Федоровны и цесаревича Алексея. В своем донесении о результатах переговоров с наркомом иностранных дел Чичериным Контрерас отметил, что «комиссар систематически с дьявольским лицемерием и лживостью избегал любого ответа на мои вопросы, которые могли бы прояснить место и условия, в которых они находятся… И единственным ответом, который он дал на мои как прямые, так и косвенные вопросы, был тот, что они находятся во власти Совета и в полной безопасности» [Цит. по: 2, с. 164-165].

Резюмируя, можно сделать вывод, что имеющиеся документы не позволяют дать однозначного ответа на вопрос о том, кто принял решение о расстреле царской семьи – центральная власть или руководство Уральского областного Совета депутатов. Вместе с тем, совокупность косвенных данных свидетельствуют в пользу версии о том, что решение о расстреле Николая II и членов его семьи было принято в Москве, а не в Екатеринбурге.

Список литературы

1. Гибель Царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи (август 1918 – февраль 1920). Сб. док. / сост. Н. Росс. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1987. 644 с.

2. Олано-Эренья А. Испанский король и попытки спасения семьи Николая II // Новая и новейшая история. 1993. № 5. С. 152-165.

3. Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. Сб. док. / отв. ред. В.И. Шишкин. М., 2003. 669 с.

4. Шишкин В.И. Расстрел адмирала Колчака // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. Новосибирск, 1998. № 2. С. 76-84.